

В издательстве “Молодая гвардия” готовится к выходу книга Натальи Петровой “Созидатели Русской Америки” (ЖЗЛ). Это шесть очерков о жизни первопроходцев, в том числе о святителе Иннокентии, митрополите Московском.

В декабре 2020 года исполняется 180 лет учреждения первой православной епархии в Америке и возведения Иннокентия (Вениаминова) во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, а также 180 лет со дня первого издания Евангелия, переведённого свт. Иннокентием на алеутский язык. Здесь предлагается сокращённый вариант очерка о свт. Иннокентии.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВА

ЦАРСТВО ВЕТРОВ

Остров Уналашка – самый крупный камешек в ожерелье Лисьих островов, которое нанизала на нитку неведомая рука, желая украсить могучую грудь Бобрового моря и тем выделить, отличить его от других морей в семье Великого океана. Хотя сегодня Бобровое море именуют Беринговым, оно по-прежнему омывает студёной волной берега Азии и Америки, а Лисьи, вместе с другими островами Алеутской гряды, напоминают о временах, когда и сами острова, и западный берег матерой Америки были российскими, потому что открыли их русские мореходы.

“Вожделенной страной моей” называл Уналашку отец Иоанн. Он прожил там 10 лет, исходил, изъездил остров вдоль и поперёк, исплавал все его бухты и заливы, поднимался в горы и спускался в ущелья и каждый раз заново – словно видел в первый раз – ощущал обаяние его неяркой, скромной красоты. Летом он исследовал Уналашку и соседние острова, а зимой читал записки путешественников; когда научился языку алеутов – беседовал со стариками, записывал их предания и сказки, были и небылицы о происхождении Алеутских островов.

В своём трёхтомном сочинении “Записки об Уналашкинском отделе” он пишет: “Остров Уналашка по-алеутски называется Ауань Алахсха или Науань Алахсха – то есть “Вот это Алахсха...”, длина его простирается до 150, ширина самая большая более 50 вёрст, а в западной (половине. – Н. П.) – не более 10”. К. Хлебникову остров очертаниями напоминал серп молодой луны, на первый – да и на второй взгляд – казался суровым и нелюдимым. Вениаминов смотрел на остров другими глазами, и его “местоположением, видами и даже картинами... с истинным удовольствием сердца наслаждался”.

Форму острова он тоже описал иначе: “северо-западная сторона его изгибается почти под прямым углом, а южная – несколько колесом”. Горы разделяют его на две неравные части – восточную, отмеченную высокими вершинами и хребтами, что теснятся длинной грядой, и западную – там горы пониже, и между ними расстилаются равнины с густой и сочной травой. В северо-западной части острова горделиво возвышается местная достопримечательность – огнедышащая сопка Макушинская, её высота составляет 5,5 тысяч английских

футов, как заметил Вениаминов, “по измерению Ф. Литке”. С прославленным мореплавателем и учёным они познакомятся в 1827 году на Уналашке и потом долгие годы будут писать друг другу, Вениаминов — сообщая свои наблюдения, Литке — высоко оценивая деятельность священника как исследователя.

О сопке с вулканом говорили многие мореходы, последний раз его извержение видели в конце XVIII века. Вениаминов “извержения пламени” не видел, но вулкан, как заправский курильщик, дымил все годы, не переставая и время от времени погромыхивал, откашливаясь.

Рек на острове оказалось немало, все они неширокие и неглубокие — не в пример сибирским Лене или Иртышу, но с чистой, хрустальной прозрачностью водой и студёной до ломоты в зубах. Начало они брали в горах, встречались и те, что вытекали из озёр, как Ангара из Байкала. В хорошей воде и рыбы много — кижуч, горбуша, гольцы, в море — палтус, треска, калага (навага). Киты, сивучи, нерпы, котики и моржи приходили на остров редко, каланов, которых именовали морскими бобрами, ко времени прибытия Вениаминова уже основательно повывели. А вот другого зверья всё ещё хватало, особенно много было лисиц — потому острова и называли Лисьими — чёрно-бурых, красных (так называли в Сибири рыжих) и сиводушек — с сединой на темно-рыжем загривке; бегали ушканы (зайцы), встречались тарбаганы (сурки). Птиц гнездились на островах великое множество — орлы, гуси, утки, чайки, не считая мелких пташек, которые услаждали слух в хорошую погоду, как в райском саду, и настраивали на поэтический лад.

“Представьте себе, что мы сидим на гладкой, сухой, покрытой травами и цветами подошве подоблачной горы, — описывал Вениаминов свои впечатления в письме Хлебникову. — Подле алмазного ручейка, катящегося по разноцветным камушкам между берегов гладких, ровных, усеянных цветами, в коей играют золотые рыбки, ну, хотя не золотые, а жирные гольцы. Перед нами поодаль на гладкой просторной долине более тридцати человек собирают сено, припевая песни на разных голосах и языках. А там вдали пасутся тучные стада, ну, хоть не стада, а двенадцать компанейских коров... при обширном озере охотник скрадывает жирных уток. Дамы наши, поднявшись не много на гору, собирали ягоды, все, какие здесь есть. Мы же, пока варился чай, неводили золотых рыбок — ведь, право, картина!..”

Пейзажи долин в погожую пору рождали романтическое настроение ещё и потому, что в остальное время года приходилось довольствоваться унылым и однообразным видом покрытых снегом горных хребтов. Природа как будто хотела успеть расцвести в короткое северное лето цветами и травами, созреть плодами и щедро порадовать обитателей суровых мест, примирить их с неизбежностью наступления холодов. Чуть иронично, с лёгкой усмешкой описывает красоты Уналашки о. Иоанн — и рыбки там золотые — “ну, хотя не золотые, а жирные гольцы”, и по-библейски тучные стада — “ну, хоть не стада, а двенадцать коров”. Он почти доволен своей жизнью на новом месте — “поелику, будучи здоров, могу быть весел, спокоен, безбеден и счастлив. Это от меня зависит, а более что нужно?”

Что нужно? Ну, наверное, дом для семьи: четверо взрослых и двое младенцев не птахи — хотя и птахи гнезда вьют, и звери норы роют — где-то жить нужно. В первое время поселились в полуземлянке, сложенной из плах с насыпанной поверх землёй. Легко догадаться, какие речи говорила матушка Екатерина, увидев их первобытное жилище — и это после просторного, добротного и тёплого иркутского дома с большой печью! Отец Иоанн и сам готов был избу рубить — недаром у дяди Димитрия в учениках ходил, и помощников бы нашёл — да не из чего рубить, не рос лес на острове. “Кусточки, листочки, травочки, цветочки... очки и проч. Всё было и есть, да только лесочков-то нет”, — сетовал он. Море изредка выбрасывало на берег плавник — вырванные с корнем деревья, будто с недоброй усмешкой напоминающая островитянам, мол, есть на свете тенистые ельники и светлые берёзовые рощи, есть — да не про вашу честь. Печи в землянках топили высушенным плавником и кустарником, который в изобилии рос на острове. А ведь семейству ещё и провизия нужна, запасы на зиму, младенцам — молоко. “В рассуждении своего состояния я не могу сказать вам, что я доволен, поелику я человек, а человек чем может быть доволен?” Но он молод, здоров, и уже потому — счастлив.

Первое написанное им прошение в контору Компании — о выделении семейству коровы. Корову дали и ещё 30 пудов муки ржаной, 10 — пшеничной,

булки, сухари, 5 пудов круп, 3 пуда масла, 2 пуда сахара, 10 фунтов чаю, по 2,5 пуда мыла и свечей, ведро водки и 2,5 пуда табаку — это на год за счёт Компании, жалованье положили годовое 1200 рублей. Но и провизию, и жалованье нередко задерживали, порой на полгода, а то и на год.

И приходилось самим сушить рыбу, копать огород, собирать ягоды, солить грибы и одновременно вести наблюдения. “Изобилие ягод зависит от количества снегов, зимою лежащих, — замечал Вениаминов, — и от теплоты весенних месяцев, а созревание — от теплоты летней”. Иногда по весне ягод завязывалось много, особенно малины, но если лето случалось короткое, она не успевала вызреть. Кроме малины, собирали чернику, голубику, клюкву, княженику, и “самую лучшую из всех здешних ягод по своему аромату — землянику”, особенной сладкой и пахучей она росла на низких и песчаных местах.

В его записках есть целая глава с описанием растений Уналашки, обязательным указанием их названий на латыни, объяснением мест произрастания и особенностей. Чего только нет в этом списке! — с неперемненными дополнениями, съедобные ли растения и ягоды, и если съедобны — то каковы на вкус. Вот, к примеру, известная северным народам шикша (водяника) — “ягоды сии в некоторых местах имеют очень порядочный вкус, и только одни эти ягоды алеуты собирают и запасают на зиму”. Или красная ягода, по-алеутски какамгадин, то есть, сухие ягоды, похожие на красную смородину, их в пищу не употребляют, “потому что от излишнего употребления оной делается головная боль”. Чёрная или медвежья ягода, видом напоминающая чёрную смородину, по-алеутски чикатун, “производит рвоту”.

Ива, ольховник, тальник, бузина, замечал он, не растут, как в Сибири, вертикально, а стелются по земле. Описывая растущую на острове флору, не забывал упомянуть отсутствующую; так, привычные русскому глазу ромашку, полынь и крапиву он там не встретил. Зато нашёл обилие грибов: белые, иные величиной с тарелку, маслята и самые сибирские — грузди и рыжики, их было особенно много дождливой осенью, и что приятно — “всегда без червей”.

Травы в долинах росли густые и высокие, корма для коров хватало, но скот, на удивление, тучностью не отличался. “И это, я полагаю, оттого, что травы здешние... от испарения моря и недостатка солнечного света водянисты и не столь питательны”. К тому же через три-пять лет пастбища неизбежно зарастали сорной травой, и приходилось косить на новом месте. Никто, кроме священника, коров в личном хозяйстве не держал. “Содержание коров очень затруднительно и дорого, ибо сена надобно приготовить не меньше, как на шесть месяцев”, — словно слышится вздох о. Иоанна, пишущего эти строки.

Свиней и коз русские пытались завозить, но они, гуляя по острову, разрывали землянки алеутов и доставляли много других неприятностей. Свиней несколько раз перевозили для откорма на безлюдные соседние острова, но животные или замерзали, или дичали. Для коз сена на зиму требовалось не меньше, чем для коров, и лучшего качества. А уток и кур держали, хотя и не по многу, все семьи, и вольный воздух острова сотворил с курами удивительное: они там хорошо летали, “так что о них нельзя уже сказать, что курица не птица”. Вот чего на острове действительно не хватало, как считал Вениаминов, так это лошадей, хотя корму для них было достаточно, “по мнению моему, здесь весьма удобно и нужно иметь лошадей”.

Описывая топографию острова, Вениаминов начертил карту с указанием бухт и течений в проливах, селений и числа жителей в них, изучал вулканы и льды, исследовал флору и фауну, горные породы, почвы и минералы. Почва острова состояла в основном из “красноватой глины или чёрной вулканической сажи, перемешанной с песком и присыпанной землёй от 3 до 12 дюймов”. Что и говорить, это не чернозём центральной России или Новороссии, вырастить на такой почве что-либо трудно. А вот минералов встречалось в избытке: яшма, халцедон, кварц, сиенит, змеевик, гранит, обсидиан, вулканический туф и песчаник.

Всех, кто видел Уналашку с борта корабля или ступал на её каменистый берег, непременно удивляло: почему на материковой Аляске лес растёт в изобилии, а на острове его вовсе нет? Вениаминов слышал и читал мнение исследователей о причинах подобного явления и не соглашался, что сильные ветры препятствовали росту деревьев: “...напротив, потому здесь так сильно дуют ветры, что нет лесу”. В 1803 году из Ситхи завезли и посадили несколько

саженцев ёлок, они прижились, и спустя 20 лет Вениаминов увидел их стройными и крепкими. Раз деревья приживаются — значит, нужно сажать. “Как видно по пластам земли, ещё не слишком давно начали одеваться растениями здешние острова. И потому стоит опытными лесоведам посеять здесь подходящие климату растения — и зашумят дубравы и рощи”.

Алеуты земледелием не занимались, но семьи русских пытались сеять хлеб и разводить огород. Что могло вырасти на островах, где погода не баловала теплом не то, что лишним, — необходимым? Как и полагается естествоиспытателю, Вениаминов проводил опыты и наблюдения, каждую из культур пытался вырастить сам и начинал описание с традиционной фразы учёного: “Опыты показали...” Итак, “опыты показали”: картофель, репа, редька, морковь и свёкла растут прекрасно, особенно крупной и вкусной созревает репа. А вот картофель родится мелкий — “не крупнее пули”, урожай бывает сам-4, иногда сам-7, что для северных краев совсем не плохо. Огурцы и капуста не созревают, то есть посеы всходят, но не успевают завязаться “даже под стеклами”, что означало: о. Иоанн и теплицы на острове строил. Та же история с самыми необходимыми и популярными культурами — пшеницей, ячменём и горохом, они тоже всходили, но не успевали вызревать в короткое лето.

Начинания о. Иоанна быстро распространились по острову, недаром он заметил, что после 1826 года — то есть после его приезда — уже и алеуты приохотились к земледелию. Пришлось ему наставлять своих прихожан и в вопросах вероисповедания, и в огородничестве: картофель у них не родился оттого, что слишком глубоко закапывали клубни в лунку, пока ростки покажутся — зима наступит. Он же и сроки посадки определил: “Садят в первой половине мая, а собирают в последних числах сентября или в первых октября”. Удобрения использовали оригинальные — не навоз, поскольку коров было мало, а морскую капусту.

Но как ни пытались возделывать здешнюю землю, сколько бы труда в неё ни вкладывали, отдавала она крохи, да и те неохотно. И если север России называют полосой рискованного земледелия, то на Уналашке рискованна и сама жизнь. “Здесь человек не рискует одною только водою и воздухом, а всё прочее зависит от случая”, — заключает о. Иоанн.

Климат островов оказался тяжёл даже для закалённых и неизнеженных комфортом сибиряков, привычных ко всякого рода природным неожиданностям. В Сибири зима суровая, но воздух сух, в году много солнечных дней, бодрое сияние небесного светила примиряет и с поздней весной, которая будто примеривается: поторопиться к сибирякам или ещё испытать их на прочность; коротким и нежарким летом, и продолжительной сухой осенью. Иная погода на островах.

Начать с того, что привычных для нас времён года здесь нет. Хотя острова лежат на несколько градусов южнее, чем расположенная рядом Ситха, средняя температура на Уналашке вдвое ниже, чем на Аляске, и составляет + 3,5°С. По году делают на островах ветра — стоит задуть им с моря или с запада, как температура резко падает и становится холодно даже на солнце, и наоборот: если дует восточный или южный ветер, наступает ощутимое потепление. В календарное лето воздух может прогреваться до +25°С, пока не задуют холодные ветра, такое же непостоянство наблюдается и зимой. Скажем, установилась в декабре морозная погода, температура -16°С, лёг снег, казалось бы, зима вступила в свои права. Но вот подул восточный или южный ветер, и тотчас температура повысилась до плюсовой, наступает оттепель, и если ветры не утихают несколько дней подряд, даже в низинах сходит снег. Переменились ветры — возвращается мороз. Вениаминов описал такую “зиму” в феврале 1826 года — с 9-го по 28-е было так тепло, что появилась трава, а с 1 марта вернулась настоящая зима, лёг глубокий снег и пролежал до середины мая. Старожилы рассказывали, снег выпадал и летом, в августе, и приходилось выкапывать ягоды из-под снега в рукавицах. И случалось такое явление нередко.

1828 год принёс островитянам нескончаемые беды. Вот как описывал “местные обстоятельства” о. Иоанн в письме: “Нынешняя зима у нас была очень снежна и довольна холодна (морозу было до 13 град<усов>*. И продолжалась почти до половины мая, в половине мая были льды у Аляски, и тогда

---

* Для измерения температуры о. Иоанн пользовался шкалой Реомюра, в пересчёте на шкалу Цельсия это составит 16,2 ниже нуля.

морозу там было 5 град<усов>. Еманы, или козы, бывшие здесь, все погибли от неимения пищи. Правда, досталось и коровам, до половины почти убавило. Лето стоит самое худое, дождливое и туманное, рыб почти совсем нет... Ягоды ещё не созрели, да и едва ли созреют, ибо все ещё цветки, а ягодки ещё впереди. Мы были вчера в поле (12 авг<уста>), и малина ещё цветет, а шикша чуть начинается. И так всё что-то не веселит, и нынешняя зима, однако, надоест всем, и особливо питающимся рыбою”.

Несмотря на тяжёлый климат, алеуты и русские болели редко, инфекцию к ним завозили корабли Компании, и тогда эпидемия выкашивала и без того немногочисленное население островов. “Прошедшею осенью здесь были поветрия: кашель и колотье. И почти всех перебрала и убавила народонаселения, и особенно на Унге, где она была в октябре. Меня Бог избавил, и едва ли не я один только не испытал её. Сказывают, что завёз сию заразу нам “Рюрик” с островов...”

Вениаминов 10 лет вёл метеорологические наблюдения, записывал температуру и показания барометра и отправлял на кораблях Компании в Петербург журналы наблюдений. Он описывал календарную весну, которая наступала не ранее середины апреля, и лето, что устанавливалось с середины июля, наблюдал, как в октябре приходит осень, и с середины декабря – зима. Он подсчитывал сухие и дождливые, ясные и безоблачные дни, солнечных оказалось в году от 100 до 160; замечал, при каких ветрах выпадал сухой и при каких – мокрый снег; в какие месяцы обыкновенно сходили туманы, он даже описал некое свечение у горизонта, напоминающее северное сияние, что случилось в феврале 1831 года. Его метеорологические наблюдения получили высокую оценку Ф. П. Литке, будущего президента Петербургской академии наук. “Поблагодари отца Иоанна, – просил он в письме к Ф. П. Врангелю, – не от моего лица, а от лица науки за продолжение его присылок... Я твёрдо уверен, что он по всем отношениям мог быть полезнее всех своих собратьев, вместе сложенных и помноженных на десять”.

Анализируя многолетние наблюдения, Вениаминов определил факторы, влияющие на погоду в Уналашкинском отделе. Первый из них – холодное море, что окружает острова; в нём температура редко поднималась до +6, и “ветер, с которой бы стороны ни задул, пробегая пространство моря, должен принять и температуру, близкую температуре воды”. К тому же острова лежали на границе двух морей: “одно касается экватора, а другое – полюса”, и потому здесь “вечные облака”, замечал о. Иоанн. Влияли на климат и понижали температуры льды, их почти каждую зиму пригоняли к островам волны Берингова моря, да и сама почва острова из-за неглубоких снегов промерзала от 4 до 10 дюймов. И конечно, влияли на климат горы, вершины которых покрывали вечные снега, если ветер задувал с гор, то “пронизывал до костей”.

“Можно сказать решительно, что здесь нет обыкновенных времён года, но вместо всех их здесь царствует вечная осень”, – писал Вениаминов, нечто среднее между августом и ноябрем. Только по растительности и можно было догадаться – зима или лето, и по календарю, конечно. Старожилы острова вспоминали, что раньше лето было теплее, зима – морознее, снега – глубже, и ветров было гораздо меньше, и если уж они задували, то “во всякое время года дули свои известные ветра”. Но времени, когда бы ветра вовсе не дули, старожилы не помнили. Как определил Вениаминов, поистине – “здешнее место есть царство ветров”.

Честные “дикари” и “культурные” мздоимцы

Населению островов и Аляски Вениаминов посвятил два тома своих “Записок”, подробно описав внешность, характер, уклад жизни, привычки и обычаи аборигенов. В то время, когда Вениаминов жил на Уналашке, К. Хлебников собирал материал для своих “Записок о колониях в Америке” и нередко просил о. Иоанна расспросить старожилов о том или ином событии. Так, подвигнув Вениаминова к разысканиям и наблюдениям, Кирилл Тимофеевич стал невольным вдохновителем его литературных трудов. Сам Вениаминов, проявляя необычайную скромность, своей писательской работе значения не придавал, называл “маранием”: “. . . я не думал никогда быть сочинителем, ничего не собирал, но если угодно вам... я постараюсь вам доставить всё то, что я могу спросить-узнать-собрать-заметить-сказать

и проч., проч. касательно здешних происшествий”. Свои заметки он переслал Хлебникову и великодушно предложил, не смущаясь, использовать их и даже напечатать под своим именем. Однако Хлебников высоко оценил труды о. Иоанна, в ссылках не забывал указывать его имя и хлопотал об издании “Записок...” Вениаминова в Петербурге. “Книга эта... замечательна тем, что написана прекрасным, лёгким и живым языком”, – отзывался о ней И. А. Гончаров.

Поскольку в записках Хлебникова и Вениаминова перед нами предстаёт один и тот же народ, сравним их описания. Вот как выглядят алеуты у Хлебникова: “Мужеской и женский пол вид имеют неотвратительный, лицом смугловаты, но есть чистые и природный в лице румянец имеющие; волосы у всех чёрные, но вообще все ленивы и неопрятны, вшивы, ногтей не обрезают и редко умываются. Образ жизни ведут самый гнусный. Юрты их худые и холодные; огня в них, кроме что в жирниках, не имеют; живут по множеству в одной с семействами и нечистоту редко вычищают, а около юрт помёт свой извергают. Мокрота, грязь, вонь, тесные в юрты проходы и стужа в них делают отвращение”.

Алеуты Вениаминова выглядят иначе, хотя в его описании нет и намёка на прекрасноту. Но мы не найдём там и естественной, казалось бы, безразличности к “диким”. С доброй и участливой улыбкой смотрит он на алеутов, в то же время взгляд его глубок и внимателен, замечания остры и точны, они выдают в нём тонкого психолога. Не придавая значения своему “маранию”, Вениаминов, тем не менее, уловил главное в письме: “Писатель должен не только знать и понимать свой предмет, но и чувствовать, живо чувствовать”.

Итак, алеуты в описании Вениаминова невысоки, худощавы, цвет лица их смуглый, волосы черны и жестковаты, усов и бород у мужчин почти ни у кого нет, лишь старики носят небольшую седую бородку, ступни и кисти рук грубы и велики, маленькой женской ножки, по замечанию автора, в тех краях не встретить. Лица скуласты, но не так резко очерчены, как у якутов, зубы удивительно “белы, чисты и всегда здоровы”, брови над тёмно-кариими глазами круглы и черны, ресницы густые, но не длинные, щеки полные, особенно у женщин и детей.

Ноги кривы, ступают они пятками не внутрь, а наружу, так что редко какой русский пройдёт след в след за алеутом по тропке, проложенной им в снегу. “Но зато алеут, когда сидит в своей однолучной байдарке и, разумеется, в своём национальном костюме, совсем другой человек, чем на земле; в то время кажется, что он создан для байдарки или байдарка изобретена для того, чтобы показать его с самой лучшей стороны. Случалось мне видеть несколько раз русских, сидящих в байдарке, но никто из них, даже из самых бойких и статных, не делает такого вида, как самый обыкновенный алеут”. Алеуты поражали русских остротой зрения: они раньше замечали в море приближающую байдарку, быстрее начинали различать лица сидящих в ней, благодаря великолепному глазомеру верно рассчитывали скорость волны, а уж превзойти их в охоте на море не мог никто. Прекрасное зрение алеуты сохраняли до глубокой старости и очков не носили.

Но ещё более он поражался чрезвычайной выносливостью алеутов: “Мне случалось езжать с ними от 14 до даже до 20 часов, не приставая к берегу, и во время таковых переездов они останавливались не более 1 разу и не более как минут на 15”. Он восхищался силой и неутомимостью алеутов, ему случалось проходить с ними за один день от 35 до 50 верст, при этом его спутники несли на себе поклажу весом от полутора до двух пудов, и не одни мужчины – женщины тоже! Если отец Иоанн не уставал удивляться алеутам, то мы, читая эти строки, удивляемся его собственной выносливости и физической силе.

Он писал о храбрости алеутов, когда они охотились на медведей с одним луком, в одиночку въезжали на байдарке в стадо китов и проявляли завидную ловкость и находчивость. Так, один охотник при нападении на него медведя успел схватить зверя за уши и сесть на него верхом, а потом заколол. “Они не боятся моря и зверей, но боятся только людей (и весьма справедливо)”, – заключал о. Иоанн.

Основной пищей алеутов была сушёно-вяленая рыба, именуемая юкола, которую, раскрошив, обязательно смешивали с китовым жиром. Есть её долгое время без жира нельзя, появлялся кровавый понос, отчего человек

умирал. С жиром ели и ягоды, размяв их, — собственно, это были основные блюда алеутов, которые готовили женщины. Мясо они тоже ели, но чаще в сыром или вяленом виде, иногда могли разогреть на огне.

Со временем они научились у русских разводить животных и птиц, копать огороды, растить хлеб, переняли любовь к чаю — напитку, необходимому в “местах прохладных и безводочных”. Многие так пристрастились к чаепитию, что готовы были променять рюмку водки на чашку крепкого чая.

О вкусах не спорят, и Вениаминов не осмеивал вкусы алеутов, назвав их гастрономические предпочтения одним словом: “особенные”: “Чтобы с аппетитом кушать китовину или квашеные рыбы головки, и кислую икру считать деликатным кушаньем — для этого точно надобно иметь свой вкус”.

Прожив с алеутами бок о бок 10 лет, о. Иоанн имел возможность изучать их характер во всех проявлениях и в самых разных обстоятельствах, тем и ценны его заметки, что о своих соседях он знал не понаслышке.

Особенно хорошо человек виден в деле, а первым делом священника и миссионера стало возведение храма. Сначала он служил под открытым небом. Первая литургия прошла на Уналашке 1 августа 1824 года, в память об этом событии потом ежегодно совершали крестный ход. Когда из Ситхи доставили на Уналашку еловый лес, священник ещё говорил с алеутами через толмача, и всё же работа пошла скоро, помощниками алеуты оказались толковыми. 29 июля 1826 года храм был освящён в честь Вознесения Господня. Деревянный храм, возведённый руками Вениаминова, до наших дней не дожил, но в перестроенном виде церковь Вознесения стоит на Уналашке и поныне, иконы, перед которыми молился святитель, и вся утварь бережно сохраняются алеутами.

Пока строили храм, аборигены перенимали плотницкое, столярное, слесарное, кузнечное ремесло. После храма рубили избу для семейства священника — оно за годы пребывания Венаминовых в Америке сильно возросло: матушка Екатерина родила ещё шестерых.

Со временем алеуты научились у о. Иоанна сапожному делу и портняжному, ремеслу купоров (бондарей). Он заметил: они “смышлёны и умеют выгладить время и материал”, а это уже признак работы не подмастерьев, но мастеров. Они освоили даже починку и изготовление часов, что особенно любил Вениаминов.

Среди мальчишек он заметил креола Василия Крюкова, тот проявлял внимание к живописи и оказался талантливым мальчиком, под руководством отца Иоанна начал писать иконы для храма. Схватывал всё быстро, и вскоре стал отличным живописцем, рисовал портреты удивительной похожести: стоило ему взглянуть на человека 2-3 раза — и тот являлся “живым на бумаге, со всеми выражениями лица”.

Алеуты перенимали не одни ремесла, им оказались по душе интеллектуальные игры, они так полюбили шахматы, что на островах Прибылова “решиительно все мужчины шахматисты”. К освоению грамоты в зрелом возрасте проявляли способности и “большую охоту учиться”, особенно после того, как появились книги на их языке. Когда отец Иоанн покидал острова, почти всё их население было не только крещёным, но и большей частью грамотным.

У каждого народа, при всём различии индивидуальностей, есть общие черты характера, они позволяют обрисовать легко узнаваемый портрет. Конечно, есть особенности, есть исключения, которые могут и не вписаться в коллективный образ, но тем самым они лишь подтвердят его существование. По наблюдениям Вениаминова, в алеутах исключений нет: “они совершенно все как будто отлиты в одну и ту же форму”. 1500 человек рассеяны на пространстве почти в 1500 верст, никогда не видели тех, кто живёт в отдалённых селениях — и оттого единообразии в характере ещё более заметно и удивительно.

Первое их качество, которое отметил Вениаминов, было терпение. Их терпеливость доходила “почти до бесчувствия, кажется, невозможно придумать такой трудности и такого невыносимого обстоятельства, которое поколебало бы алеута и заставило его роптать”. Он может голодать 3-4 дня, и никогда не даст знать, догадаться можно лишь по бледности его лица. Когда же удастся найти съестное, он не бросается с жадностью на пищу, но отдаёт её прежде детям, которые тоже привыкли не сильно беспокоить родителей, и только вытащив байдарку на берег и прибрав инструмент, алеут спокойно, медленно принимается за первый кусок.

Так же терпеливо алеуты переносят боль. Вениаминову не раз приходилось помогать попавшим в клепцу (ловушку для лисиц), из которой ногу нельзя просто вынуть, “но должно расколоть палку, в которой утверждены зубки, и потом продеть их сквозь кость ноги”. И всегда алеут “спокойно и с возможным хладнокровием даёт сделать операцию”. Если рядом никого не оказывалось, он сам проделывал эту мучительную процедуру.

И в работе они проявляли терпеливость. Принимались они за работу не быстро, с неохотой, “даже мешковато”, но работали целый день, пока не выйдут из сил. Вениаминов описал случай, когда он и его спутник, оставив байдарку, были вынуждены идти в соседнее селение пешком. Алеуты нанялись помогать, надеялись дойти быстро, никакой еды с собой в дорогу не взяли. Идти пришлось 25 верст, с поклажей не менее пуда на каждого. “Дороги совсем не было, крутые горы покрыты были полузамерзшим снегом, по которому не было видно ни малейшего следа; при том же вдруг сделался противный ветер со снегом и со столь сильными шквалами, что почти останавливал человека. Тягость на плечах, тощий желудок и целый день такого трудного пути... Но несмотря на то, они так были спокойны, бодры и даже веселы, что эти трудности для них как будто ничего не значили”.

Может быть, их терпеливость происходила от душевной чёрствости, неспособности к тонким чувствам и переживаниям? Нет, это не так. Отец Иоанн замечал в алеуках и нежность к своим детям, и внимательность к пожилым родителям, заботу о них, доходившую порой до самоотречения; им было знакомо и чувство собственного достоинства, оскорблявшееся только одним брошенным в их сторону брезгливым взглядом. Ничто, свойственное другим народам, не было им чуждо. “Алеут очень умеет чувствовать печаль и радость, но очень равнодушно встречает и переносит их. Всякою горестию или потерей кого-либо из близких сердцу он будет тронут и даже может быть поражён, но никогда не придёт в отчаяние. А чтобы плакать, стонать или рыдать, то это не слыханное дело даже между женщинами и детьми”.

Алеуты умели ценить добро и были способны отличать существенное, прочное от поверхностного; не отчаиваясь в горе, они не выказывали и чрезмерного восторга в радости. “Правда, на лице его видно бывает удовольствие, но всегда спокойное и умеренное”. И главная причина их сдержанности – всё та же, так поражающая Вениаминова терпеливость, которая происходила от привычки с детства переносить сначала физические лишения, а потом и душевные страдания, скрывая свои чувства под маской равнодушия.

Наблюдая за алеутами день за днём, Вениаминов заметил в них упорство. Сибирякам эта черта характера хорошо знакома, они и сами ею обладают в полной мере: как упрутся во что-нибудь, не отстанут, пока не доведут начатое до конца. Имеет эта черта сибирского характера и свою неприглядную изнанку: насколько они упорны в хорошем деле, настолько же и в дурном. Жители островов оказались такими же несгибаемыми упрямыми.

Если алеут задумает сделать что-нибудь, не противное закону, он исполнит начатое до конца, невзирая ни на какие преграды, даже с риском для здоровья и жизни, и при этом не ожидая для себя никакой прибыли или награды. Но уж если заупрямится – никакие ласки и посулы его не тронут, даже страх наказания не заставит изменить намерения.

Замечал Вениаминов и другие неприглядные черты характера алеутов. “Алеуты ленивы. Это надобно сказать прямо и без всяких обиняков... деятельны только на время и на выдержку”. Раньше алеуты были неопрятны и нечистоплотны, женщины – поголовно неряхи, но, познакомившись с русскими банями, все полюбили мыться и париться и готовы были каждый день топить баню.

Всё население обоего пола любило крепкий табак, который нюхали, он считался ценностью и на него можно было выменять что угодно. Познакомившись с водкой, некоторые так пристрастились к ней, что в их языке появились слова “пьяница” и “дурацкая вода”.

Но “главной склонностью” алеутов Вениаминов называл не пьянство, а сластолюбие, об этом говорил их обычай иметь несколько жён, кому было по карману – ещё и наложниц из пленных. Многоженство у них вполне уживалось с многомужеством, когда женщины имели двух мужей – главного и помощника, которого русские называли “половинщиком”. Многомужниц никто не осуждал, даже наоборот, хвалили за расторопность и домовитость, ведь

им приходилось готовить, шить и чинить в двойном размере. Искоренять этот обычай оказалось нелегко, но Вениаминов и здесь не рубил сплеча, действовал исподволь, без нажима. И со временем стал замечать, как появились “границы этого порока”.

Вениаминов обратил внимание на отсутствие у алеутов склонности к воровству, у них не было ни замков, ни затворов — всё на виду — и очень заинтересовался таким явлением. Оттого ли не воруют, что некуда девать украденное? Или из боязни наказания? И то, и другое он находил верным. Но почему алеуты не воруют даже из удалства, как колоши? Оказывается, по их вере (до крещения) воровство считалось делом постыдным и греховным. “Нельзя сказать, что они ничего не воруют. Нет! — почти каждый из них сам сознаётся в этом; но воровство у них так мелко, так детско, что почти не стоит названия воровства”. Кому, как не о. Иоанну было знать о мелких грешках тех, кого он исповедовал? Если бы он был заезжим миссионером, который приезжал на время, крестил, совершал требы и уезжал, то он не знал бы, что алеут возьмёт чужое только в крайнем случае — если острая необходимость или голод заставят его, и ровно столько, сколько нужно для преодоления нужды. Но священник жил среди них, знал условия тамошней суровой жизни, видел, что голод — их ежегодный гость, он приходил к алеутам каждую весну. Когда запасы сушёной рыбы заканчивались, а ветры не позволяли выйти в открытое море, они голодали по три-четыре дня.

Если кому-то всё же удавалось выйти в море, он раздавал добытое нуждающимся, — “а не нуждающиеся никогда не будут просить”, — и себе оставлял ровно столько, чтобы накормить семью. Алеут не ждал от других ни благодарности, ни платы, это было его естественным поведением. “Добродетель это или обычай?” — вопрошал Вениаминов, как будто вспоминая известную поговорку “выдали нужду за добродетель”. “Пусть и обычай, но нельзя не почитать его как в исполняющих, так и в учредивших такое святое обыкновение”.

Вениаминов заметил, что алеуты, как и сибиряки, не любили обещать напрасно, но если уж обещали, то исполняли непременно. Он рассказал об алеуте Тараканове с острова Умнак. Когда Вениаминов был на острове, алеут подарил ему пару штук ююлы, но спутники священника забыли подарок на берегу. Случилось это в августе, Тараканов убрал рыбу и стал ждать случая передать её о. Иоанну. Вениаминов был потрясён, когда узнал, что алеут не съел её даже в голодные месяцы, в ноябре и декабре, а в январе передал подарок в целостности и сохранности.

Если среди алеутов не было воровства ради обогащения, то не было и обычая судить за воровство и обман. Как-то Вениаминов стал свидетелем редкого явления, случившегося единожды за 10 лет его жизни на Уналашке, — суда над алеутом, взявшим чужие торбасы (сапоги из оленьего меха). “Надобно было видеть эту забавную сцену. Бедный виновный стоял безответно, с поникшею головою, а взбесившиеся судьи, то есть все старики и пожилые, каждый порознь и все вместе, как петухи, подбегали к нему и с какими-то жестами, похожими на судорожные движения, делали ему жесточайшие выговоры: что он срамит всех алеутов, что им стыдно теперь приехать в гавань и пр.” Пристыдили — и разошлись. Вот и весь суд.

Размышляя о характере алеутов, Вениаминов пришёл к убеждению: алеуты “всегда и при всех положениях довольны своим состоянием, а в случае нужды... надеются на своё терпение”. Получается, алеуты — идеальные христиане, если они с рождения отличаются неприязнительностью и кротостью? Чтобы у нас не сложилось восторженного и далёкого от реальности представления об этом народе, отец Иоанн возвращал нас с небес на землю: алеут, оказывается, доволен своей жизнью оттого, что беспечен и ленив, “не заботится о завтрашнем дне, потому и достаёт только на один день”.

Нельзя сказать, чтобы алеуты совсем не хотели улучшить своё состояние — “это не свойственно человеку. Но это их желание, в сравнении с другими образованными народами, чрезвычайно умеренно, слабо и, можно сказать, ничтожно”. Вениаминов не случайно сравнил алеутов с образованными народами. В цивилизации, где всё взвешено, измерено и подсчитано, на алеутов, живущих в нищете, могли смотреть лишь с одной точки — сверху вниз, объясняя их неприязнительность неразвитостью: дикарю потому-де ничего не нужно, что он пещерный человек и живёт на краю света, а там и взять нечего.

Иное дело “культурные” люди, им всегда есть к чему стремиться, чтобы обеспечить всем необходимым себя и своё семейство. С одним таким “культурным” человеком, который, наверное, тоже искал достатка для своей семьи, Вениаминов встретился в Петербурге в 1840 году.

Это был чиновник Духовной консистории, куда Вениаминов явился для прописки паспорта. Поглощённый государственными заботами sub-ego-cuius, как назвал его Вениаминов (то есть подъячий – sub- под –его-я- cuius-чей), будто не замечал сидевшего перед ним священника. А между тем отец Иоанн, по собственному признанию, “не без греховного помысла” рассчитывал на внимание – по Петербургу уже ходили о нём слухи, его называли не иначе, как “Вениаминов-американец”, к тому же не заметить могучего роста осанистого батюшку с наградами на груди – редко встречающимися у священников его возраста наперсным крестом и орденом св. Анны – было невозможно.

– Что вам надобно? – наконец, устав не замечать посетителя, обратился к нему чиновник.

– Я из Америки, прошу прописать мой паспорт.

Чиновник молча положил паспорт на стол и начал сверху накладывать бумаги, демонстрируя сверхъестественную загруженность.

– Господин столоначальник! – не выдержал о. Иоанн. – Сделайте одолжение, не задерживайте меня, я ещё должен успеть сегодня с визитом к митрополиту и обер-прокурору Синода.

Не поднимая глаз от бумаг, чиновник буркнул безо всякого почтения:

– И без вашего паспорта много дел, – и начал очинивать гусиное перо. Обмакнув его в чернильницу, он вывел на листе бумаги цифру “25” и придвинул листок священнику. К этому времени Вениаминов-американец знал уже все диалекты алеутского и колошского языков, составил словари и написал грамматику, умел говорить на латыни с католиками-миссионерами на богословские темы, научился договариваться с приказчиками российско-американской конторы и командирами военных кораблей. И только язык чиновников-мздоимцев остался ему незнаком!

Не дождавшись реакции несведущего посетителя, столоначальник зачеркнул “25” и написал “15”. Тот продолжал сидеть молча, поражённый столь бесстыдным вымогательством. Когда появилось “по крайней мере 10”, отец Иоанн, уже не сдерживаясь, поднялся и грозно навис всей своей массой над тщедушным чиновником:

– Милостивый государь! Я уже доложил, что приехал из Америки, где прожил 15 лет среди дикарей, и сам – дикарь! Я сейчас войду в присутствие без вашего участия и сам доложу о себе!

– Вас оштрафуют, – попытался унять Вениаминова ошарашенный чиновник.

– Да, и деньги пойдут в казну, а не в ваш карман! – парировал священник.

Паспорт строптивому батюшке прописали бесплатно.

Рассказывая об обычаях и традициях жителей далёких островов и Аляски, о. Иоанн нередко задумывался над тем, насколько полезно этим народам просвещение. Как писал Вениаминов, улучшится ли нравственное состояние “дикаря”, когда он узнает, что не солнце вращается вокруг земли, а наоборот? И принесёт ли пользу алеутам знакомство с привычками и обычаями цивилизованных народов? “Счастливей ли будет дикарь в быту своём, когда он из звериной шкуры переоденется в сукно и шёлк, а в то же время переймёт с ними и все злоупотребления производителей и потребителей?”

Не следует думать, что Вениаминов призывал оставить усилия распространения христианства и образования в Америке, нет, он говорил о том, что положительные стороны просвещения всем известны – алеуты больше не убивают своих рабов, прекратились междоусобные войны, они обучились грамоте, ремёслам, огородничеству, их пища стала разнообразнее, а сами они чистоплотнее. Но он выражал опасение, как, приучая алеута к чистоплотности, не содрать бы с него “и природной его кожи и тем не изуродовать его. Надобно выводить дикарей из мрака невежества на свет познаний, но осторожно, чтобы не ослепить их и, может быть, навсегда. И искореняя... ложные правила их нравственности, не сделать их совсем без правил”.

Каких изменений Вениаминов опасался? Увидев роскошь, какой прежде не знали, и не имея возможности улучшить свою жизнь, алеуты вместе с тем

познали чувство зависти, научились жаловаться и унижаться, а ведь раньше, замечал Вениаминов, они стыдились подобных проявлений. Прежде они имели обычай делиться последним куском рыбы, не думая о завтрашнем дне, “ныне просвещение им внушает: помни, что ты — отец семейства, ты должен заботиться о них”. Они научились новым ремёслам, но стали забывать прежнее, национальные — виртуозное управление байдаркой, промысловую ловлю морского зверя и даже свои многовековые приёмы врачевания.

Но главную беду он видел в другом: “Прежде они свои обычаи исполняли строго, тех, кто нарушал их, ожидало всеобщее презрение и даже смерть”. Теперь они узнали новые правила нравственной жизни, но вместе с ними познакомились и с необязательностью их исполнения, снисходительным отношением культурных людей к собственным слабостям, и стали перенимать это снисхождение. “И алеуты привыкают пользоваться всеобщей амнистией”, — вот что волновало и тревожило о. Иоанна, заставляло испытывать сомнения в необходимости менять жизнь алеутов с “дикой” на “цивилизованную”, если в последней он видел всё меньше исполнения нравственных законов и всё больше оскудения веры.

“Чтобы действовать на сердце, надобно говорить от сердца”

Миссионерство сродни учительству. И то, и другое по своей сути есть служение, бескорыстное несение тягот, и положительный результат этого нелёгкого труда совсем не гарантирован. Зато если случается успех, он всегда очевиден, и тогда деятельность миссионера и учителя можно уподобить выезду на улицу с двусторонним движением: появилось встречное — маршрут выбран правильно, нет — произошла ошибка. Если миссионер или учитель не был услышан, значит, не нашёл нужного слова и верного подхода, и как бы ни тщился он выказать своё красноречие и учёность — обречён слушать лишь звуки собственного голоса. Хорошо, если в тишине, а то и в грохоте школьного шума, а в случае миссионерства — побиваемый аборигенами, не понявшими его проповеди. Когда говоришь лишь о своём — даже на их языке или через переводчика — отклика не жди. А вот когда об их жизни, о том, что их волнует и беспокоит, об их сомнениях и переживаниях — тогда появляется шанс быть услышанным.

Десять лет Вениаминов безвыездно прожил среди алеутов. Внимательный взгляд на привычки соседей, размышления об их характере привели его к убеждению, что не внешние причины заставили алеутов поменять веру, отнюдь. Обычно называли две причины крещения “диких” — принуждение и материальные выгоды для новокрещёных, то есть традиционные кнут и пряник.

Вениаминов не сбрасывал со счетов насилия над островитянами, особенно в ответ на убийство алеутами русских в событиях 1802–1804 годов, тем не менее, он не нашёл и следов принудительного крещения алеутов — власти “никогда и не думали принуждать их к тому”. Он находил несостоятельным также утверждение, будто крещёные освобождались от уплаты ясака. Во-первых, “платёж ясака был очень не значителен, и они платили его когда и чем хотели”, во-вторых, новообращённые освобождались от уплаты лишь на время, но не навсегда.

Не соглашался он и с тем, что другие миссионеры объясняли набожность алеутов их внутренней потребностью, неудовлетворенностью прежней верой: “Эти средства только могут заставить принять новую Веру, а не могут быть побуждением к тому, чтобы сделаться ревностным и верным исполнителем правил новой Веры. Алеуты же остались примерно набожны и поныне”, — писал он в своём сочинении “Состояние Православной Церкви в Российской Америке”, напечатанном в 1840 году.

Тогда что же? Один только характер и расположение души он видел причиной “скорого и истинного обращения алеутов в христианство”. Его вывод был построен на многолетнем наблюдении за поведением алеутов в различных ситуациях, их исповедях и беседах с ними. Он дал себе труд изучить аборигенов, но взгляд его не был холодным взглядом беспристрастно взирающего на “дикарей” естествоиспытателя-этнолога. Алеуты стали для него соседями, теми, кто разделял с ним беды и радости, многие — соратниками и друзьями, со временем — с любовью пасомым стадом, за которое он нёс ответственность. Как опытный садовник прививает ветку плодоносящей яблони на дичку,

так Вениаминов прививал христианство на многовековое наследие аборигенов без насилия, сохраняя их язык, традиции, привычки.

Заметим, размышляя над причинами набожности алеутов, он ни единым словом или намёком не упомянул о себе как о миссионере и проповеднике, а ведь первой причиной успешности его служения был он сам. Он учил не одним словом, но своей жизнью, когда столько лет терпеливо сносил причуды местного климата, не роптал на нищету и лишение привычных удобств, не перечил грубым и хамоватым приказчикам контор и не оспаривал распоряжений высокого флотского начальства. Алеуты стали свидетелями негромкого дела-ния приехавшего к ним человека и смогли оценить его любовь к ним. Смирение, терпение, участие и великодушие, о котором он говорил в проповедях, в первую очередь, проявлял он сам.

В кратком изложении основ православной веры, названном “Указание пути в Царствие Небесное”, он поучал алеутов: “... Мы не должны выставлять себя перед другими. Например, помогаешь ли ближним, подаёшь ли милостыню, живёшь ли благочестивее людей, тебя окружающих, или ты разумнее и учёнее своих знакомых, или вообще чем-либо превосходишь других, — не гордись этим ни перед другими, ни перед собой, потому что всё, что ты имеешь доброго и похвального, это не твоё, но дар Божий; твои же одни грехи и слабости”.

До приезда Вениаминова храма на островах не было, службы за отсутствием постоянного священника не велись, и молились аборигены, как умели и как были научены ещё отцом Макарием, посетившим Алеутские острова в 1796 году. Алеуты “веровали и молились точно *неведомому Богу*”, писал Вениаминов. Выделяя последние слова курсивом, он напоминал апостола Павла, посетившего родину эллинов. Проповедуя в Афинах, апостол увидел среди прочих алтарей языческим богам один с надписью “неведомому Богу” и понял, что посеянные им семена благовествования лягут в подготовленную почву, если, ещё ничего не зная о Спасителе, премудрые греки уже приготовили Ему жертвенник. Его проповедь принесла плоды, апостола Павла стали называть апостолом язычников, ведь до него считалось возможным проповедовать христианство только среди иудеев, но не среди тех, кто не знает единого Бога.

Так и святитель Иннокентий, названный апостолом Аляски и Сибири, наперекор распространённым представлениям об отсталости и неразвитости алеутов, нёс им слово Божие.

К слышанью слова Божия алеуты проявляли необыкновенное, давно не виданное в России стремление, к самим проповедникам — сердечное радушие и “видимое удовольствие”. Ведь каждый приезд “адака” (отца) был возможностью слышать обращённое к ним наставление, проповедь по какому-либо случаю, возможность приобщиться святых тайн — “истинным праздником, Пасхою”. Алеуты даже больных приносили к причалу, чтобы только увидеть священника и принять благословение.

Так же внимательны алеуты были во время богослужения, стояли на молитве “удивительно твёрдо”. “Во всё время продолжения службы, хотя бы то было и 4 часа, как, например, в первые дни на Страстной неделе, всякий из них и даже самые дети стоят, не переступая с ноги на ногу, так что по выходе их из церкви можно даже перечесть, сколько их было, смотря на их места, где они стояли. Во время служения или чтения, которое из них очень немногие понимают, они ни по каким причинам не оглянутся ни назад, ни на стороны, и всегда смотрят или на образ, или к небу, или на иконы”.

К соблюдению постов алеуты относились ревностно, как подчёркивает Вениаминов, “совершенно без всякого ... принуждения”. Никакой перемены пищи со скромной на постную они себе позволить не могли, их пища была всегда одинакова — та, что удавалось добыть в море, и запасы они делали очень небольшие. Готовясь к причастию на Пасху, они в последние дни Страстной постились “в полном значении сего слова” — то есть вообще переставали есть. “Говеют всегда и все, так что во всё время пребывания моего у них почти не было ни одного. . . , который бы не был у исповеди и св. Причастия за леностью и нерачением”.

Вениаминов с удовольствием наблюдал, как менялся характер и привычки принявших новую веру алеутов. Поссорившись, алеуты не вступали в перепалку или тем более драку, у них не было привычки давать волю рукам

или языку, обыкновенно они переставали разговаривать, “молчание обидимого бывает обидчику жестоко самого наказания”. Совершенное их молчание могло длиться несколько дней, но если молчаливники начинали готовиться к причастию – непременно заговаривали и примирялись.

Доказательство улучшения нравственности алеутов Вениаминов видел в исчезновении обычая убивать колгов (рабов) во время захоронения их умершего владельца, в прекращении вражды и войн между селениями, в увеличении рождаемости и сокращении числа незаконнорождённых. Исповедь алеутов была всегда самой искренней, “в исчислении грехов алеуты не забудут сказать и об украденной иголке и сказанном слове”; Вениаминов замечал “большие успехи в исправлении себя, а в некоторых даже совершенное исправление”.

До перевода Вениаминовым на алеутский язык молитв алеуты, как наблюдал священник, всё же пытались постигнуть основы христианской веры. “Мне случалось видеть, как иногда кто-нибудь из алеутов, совершенно не зная по-русски ни слова, почти целый день сидит и читает Псалтирь славянскую или Четь-Минею”. Когда же появились книги на их родном языке, даже старики начали учиться грамоте.

Знавал он среди алеутов и усердных молитвенников. Он говорил не о тех, кто научился креститься и произносить слова молитвы в храме, а о совершенной внутренней молитвы, ибо “молящийся внутренне отнюдь не с тем молится, чтобы на него смотрели, потому что на него никто не взглянет” в церкви. Среди таких молитвенников он называет умершего Нила Захарова (“живых нельзя представлять в пример”), который “почти каждую ночь, когда всё затихнет, молился у церкви, и это он делал так скрытно, что обычай его только перед смертью открылся и то нечаянным образом. Я уверен, что есть и другие подобные ему молитвенники”.

Такие успехи могли порадовать любого миссионера и проповедника, они были явным знаком встречного движения. Порадовали они и Вениаминова, но он получил гораздо больше, чем наблюдение положительных результатов своих трудов, его награда была несравненно выше – он испытал “сладостные и невыразимые прикосновения Благодати”, и оттого приносил “алеутам благодарность более, чем они мне за мои труды”.

Он твёрдо знал и повторял неоднократно с завидной скромностью – успехи в миссионерстве кроются не в личности миссионера, а в воле Господней. Будет благоволение – будет и результат, не будет – никакие усилия самого красноречивого проповедника не помогут. “Но чтобы действовать на сердце, надобно говорить от сердца. *От избытка бо сердца уста глаголют*”.

Алеутская грамматика

Когда Вениаминов начал изучать алеутский язык, письменности у алеутов не было. На алеутско-лисьевском языке тогда говорили около 1500 человек, если считать вместе с атинскими алеутами – не более 2200. В общении алеуты обходились без письменности, свои предания, сказки и песни они хранили в памяти и передавали изустно, иностранцы не выражали желания изучать алеутский язык, поэтому составлять грамматику алеутского языка Вениаминов поначалу посчитал “бесполезным трудом”. Однако исследователи Русской Америки рассуждали иначе, особенно близко познакомившись с Вениаминовым и наблюдая результаты его деятельности среди алеутов. И основатель Географического общества Литке, и неутомимый в своих трудах Хлебников были убеждены в необходимости создать алеутский алфавит и записать сведения о живущих на островах народах, чтобы сохранить их культурное наследие. Этим и отличалось участие русских в жизни аборигенов от деятельности иностранных компаний и фирм. Литке в каждом письме побуждал Вениаминова к лингвистическим занятиям, снабжал нужными книгами, и в результате о. Иоанн принялся за работу. “. . . Если бы не вы, – писал он члену-корреспонденту Академии наук Литке в 1835 году, – то бы никогда я не вздумал составлять грамматики; и если филологи найдут в ней что-либо любопытное, то они должны более благодарить вас, нежели меня”.

Он назвал свой труд “Опыт алеутской грамматики” и опубликовал в 1846 году, посвятив “с усердием” Императорской Академии наук. Грамматика состоит из введения, собственно правил грамматики и словаря наиболее

распространённых слов алеутского языка. “Составляя букварь, я не хотел ни изобретать особенных букв, ни занять иностранных, но преимущественно употребил буквы русского языка”. Сначала он изучал разговорный язык, записывал бытовые слова, затем – отвлечённые понятия. Его записи вызывали неизменный интерес у алеутов, они охотно помогали ему, а крещённый в детстве алеутский тоён Иван Паньков, знавший русскую грамматику, стал верным помощником в лингвистических изысканиях о. Иоанна. Его участие было отмечено на титульном листе напечатанного в 1840 году Евангелия от Матфея на алеутском языке.

Другим его помощником стал креол о. Иаков Нецветов, служивший священником в Атхе, о котором Вениаминов отзывался как о “миссионере, каких у нас и в целой России очень мало”. Вениаминов переводил на лисьевский (восточный) диалект алеутского языка, Нецветов правил его перевод и составлял примечания для атхинских (западных) алеутов. Так были переведены на алеутско-лисьевский язык краткий Катехизис, Евангелия от Матфея и Луки, Деяния Апостолов, Священная история и сочинение Вениаминова “Указание пути в Царствие Небесное”.

В алеутском языке оказалось много существительных, и особенно он был богат названиями мест: для каждой бухточки, мыска, залива и углубления, ручейка и камня в нём ссыкалось особое, неповторимое слово. Придумали алеуты названия и для всех видов птиц, промысловых рыб и животных, а вот выращенные на огороде овощи называли одним словом – репа.

Алеутский язык не беден глаголами, они изменяются по числам, лицам, наклонениям и временам. Кроме того, к глаголам добавлялись частицы изменяемые и неизменяемые, так что, к примеру, “не убей” имело пять вариантов с одним корнем. Применение этих частиц позволяло разнообразить и без того красивый язык алеутов, добавляло оттенки и вкладывало новый смысл в действие. Если к глаголу “молился” добавляли частицу “сига” – означало “молился совершенно, истинно”; частицу “сигасяда” – “очень сильно”; “та” – “не один раз”. Соединение двух последних частиц – “сигатасяда” – говорило о действии с величайшим напряжением, о совершенной, истинной молитве, происходившей не один раз. Но такое выражение применялось лишь в одном случае – когда речь шла о Богочеловеке.

При всём многообразии, красоте и звучности алеутского языка, в нём совсем отсутствовали глаголы, связанные с отвлечёнными понятиями – святить, умствовать, благословлять, – и потому не всякую мысль русского языка было просто перевести на алеутский. Так, “благослови клянущих” о. Иоанн переводил как “о ругающих тебя говори хорошо”. Большую сложность для перевода священных текстов и молитв создавало также отсутствие наречий, отглагольных существительных, оканчивающихся на *-ние*. Поэтому перевод некоторых фраз требовал громоздкой конструкции, например, “чтение святых книг весьма полезно” звучало в переводе на алеутский “ежели кто читает святые книги, тому польза есть”, а словосочетание “оно ведёт к Богопознанию” – “из святых книг мы узнаем Бога”.

Вообще религиозные понятия в языке алеутов были и до крещения, они употребляли слова “бог или творец”, “грех” – то, что осуждается, “дух, рай” – жилище богов, “ад” – жилище дьявола. После крещения появились новые слова, и старые наполнились новым смыслом. Царствие Небесное переводили как “свет и день Божий”, слово священник – “начальник праздника и молитвы”, святой – “светлый”, Троица – “трисуший”, Богородица – “родившая Бога”. Иногда Иннокентию в переводе помогал сибирский диалект, к примеру, о смерти некрещёного инородца в Сибири говорили не “умер”, а “пропал”. Вот также и в алеутском языке понятие смерти как перехода христианина в иную жизнь обозначали словом “танакадалик” – “перестал жить или гостить на земле”, в отличие от “асхалик”, которое употребляли, говоря о прекращении жизни любого живого существа. Глагол “поднимаю” (лежащего) приобрёл и второй смысл – спасаю, избавляю, а прежнее слово “поклоняюсь” (молюсь идолам) – стало означать “у меня голова трясётся”.

Изучая характер алеутов, Вениаминов не уставал удивляться их терпеливости, качеству, которое, по его мнению, воспитали в них тяжёлый климат и нещедрая природа островов, и язык, конечно, отразил эту особенность. Слова “терпеть” в алеутском языке он не обнаружил, в самом деле, зачем создавать слово для обозначения естественного состояния? “Терпеть

или переносить страдания тела и души для алеут есть дело обыкновенное... которое не составляет, по их мнению, ни добродетели, ни порока". Не знали они и слов "прощать" и "сержусь": "Тот, кто умеет забывать обиды, доверчив, не завистлив и свято уважает религию — не может быть коварен... тот, кто с первого раза и всем сердцем принял строгую и явно противную главной склонности его религию, — должен иметь добрую, простую душу и сердце". Не нашёл Вениаминов в алеутском языке слов "гордость", "тщеславие", "пронырство", "хитрость", "коварство", — этих качеств он не обнаружил и в характере алеутов, хотя понятие зла у них, конечно, было, как и слово, его обозначающее.

Их терпеливость и умение не копить обиды были прекрасной почвой для возделывания христианского терпения и прощения, постоянная необходимость приспособляться к тяжёлому климату рождали умение принимать жизнь такой, какая она есть, и любить её. Недаром на алеутском языке "люблю жизнь" означало "забочусь о жизни, питаюсь".

"Жатвы здесь много"

Любознательный и неугомонный нрав о. Иоанна не позволял ему сидеть на Уналашке, он использовал любую возможность посмотреть другие земли. Сначала он исследовал близлежащие острова между Уналашкой и Унимаком, которые впоследствии назовут островами Криницына. Затем побывал на островах Прибылова, на полуострове Алякса, как тогда называли Аляску, и полуострове Нушагак в Бристольском заливе, в Александровской крепости в устье реки Нушагак. Он вполне освоил морское дело, в его письмах то и дело мелькают морские словечки и выражения, вроде "шли крутой бейдевинд", хотя от морской болезни избавился не сразу и даже принимал на борту настойку из кореньев. Конечно, на островах служил литургии, знакомился с русскими служащими, — "ибо там русские в самом деле русски", — но более всего желал увидеть, есть ли возможность "обратить диких". Вот как он рассказывает об основании в 1829 году Нушагакской церкви — самой северной в Америке.

Первый раз, когда Вениаминов служил в Александровском редуте в Нушагаке, это было в июне, на литургию приехали пять эскимосов (аглегмютов). Смотрели и слушали "с чрезвычайным вниманием и не без благоговения". По окончании службы о. Иоанн в простых и доступных выражениях через переводчика объяснил суть происходящего за литургией: "Мы здесь приносим жертву истинному Богу, живому Творцу неба, земли и людей".

На следующей службе, в первых числах июля, приехали уже 14 человек. Он также беседовал с ними, быстрого результата не ожидал, но надеялся, что успеет "по крайней мере, бросить первые семена". Выслушав его внимательно, один молодой человек спросил: "Отчего это... я чего не хочу и не желаю думать и делать, то думаю и делаю?" Вопрос эскимоса несказанно порадовал о. Иоанна — если человек задаёт такие вопросы, значит, он размышляет, а "думать способны только умные". Он по опыту знал: говорить о вере нужно только с тем, у кого появились вопросы, есть предмет для разговора — значит, есть и надежда быть понятым и услышанным.

О. Иоанн побеседовал с каждым из них и каждому задал вопрос: "Не желаете ли вступить в число верующих христиан?" 11 человек ответили согласием, 12-й сообщил, что хотел бы, но он шаман. Это не беда, отвечал священник, если он перестанет шаманить, то может креститься. Тот согласился и уговорил 13-го, который тоже оказался шаманом. "А 14-й сказал: "Мне что-то не хочется быть христианином", — и я отпустил его с миром и уверением, что я никого не буду принуждать, а отдаю на полную волю. Итак, 13 человек диких по воле Всемогущего обратились усердно и добровольно, без всякого обещания и получения подарков и наград. (Кроме крестиков, по крещении им данных)".

На следующий день, при всеобщем стечении народа, он крестил в реке Нушагак 13 взрослых. Эскимоски, крещённые прежде, приносили своих младенцев, и священник их тоже крестил в реке. "Жатвы здесь много и доброе дело", — заключил Вениаминов свой рассказ о начале Нушагакской церкви. Дальнейшее просвещение эскимосов, считал он, сподручнее будет проводить священнику храма Воскресения Христова в Кадьяке — и добираться удобнее, и язык один.

Рассказывая о крещении эскимосов в письме, он подчёркивал: сие “прошу покорно не причесть мне в хвастовство”, и признавался: им двигало лишь одно желание — “лично увериться” в возможности обращения, и он вполне убедился в этом. “И желание моё исполнилось в полной мере. Слава Богу! И благодарность вам, что вы мне доставили случай быть там”.

Шли годы, и оставались тяготы житейские — забота о хлебе насущном для всё возрастающего семейства, задержка Компанией жалования и продовольствия, необходимость ладить с приказчиками конторы, из которых редко кто не был любителем заложить за воротник, и всё та же “вечная осень” островов. А ещё — знакомые всем миссионерам и учителям сомнения в нужности своего служения.

По договору с Компанией пребывание священников в Америке составляло пять лет, первый срок Вениаминова заканчивался в 1829 году. Летом 1828 года он подал прошение на выезд: “Желаю увидеть свою родину, коей и дым сладок, как сказал наш почтеннейший и незабвенный историограф... Если служение моё здесь может быть полезно и заслуживает какую-нибудь награду, то я не прошу и не желаю никакой более, как только удовлетворения моих прошений. А ежели служение моё бесполезно, то прошу вывести меня как бесполезного”. Однако стремления Вениаминова вернуться в Иркутск не одобрили правители Компании, а более — люди учёные.

Первым о его переводе с Уналашки в столицу Русской Америки — Ново-Архангельск — начал ходатайствовать Литке, и причиной была заинтересованность Академии наук в исследованиях Вениаминова. “Как бы я желал, чтобы тебе удалось перевести его в Ситху, — признавался Литке в письме Ф. П. Врангелю. — Если это сбудется, то поналяг на него, чтобы он занялся языком колош с обыкновенною его основательностью. Это даст прекрасные результаты... Этот человек мне необыкновенно понравился. Жаль, его, кажется, здесь не слишком любят; в моих глазах это ещё ничего не доказывает. Я несказанно был бы рад, если бы ты его полюбил и мог бы удержать в том краю; его, кажется, вынудили уже оттуда проситься...”

Хлопоты ли Врангеля, ходатайство Литке или активное нежелание нечистых на руку приказчиков Уналашкинской конторы иметь рядом с собой молодого энергичного священника были тому причиной — неизвестно, только в ноябре 1834 года Вениаминов был переведён в Ново-Архангельск.

“Народ убийственный и злой”

В современной жизни о тайнах говорят мало, да и самих тайн уже не осталось, а те немногие, что ещё существуют, учёные со временем непременно исследуют и объяснят — сомнений в том нет. Свой первоначальный, истинный смысл слово “тайна” сохранило в иных реалиях, где оно осталось основой, корнем слова “таинства”, их сутью. Там под видимым действием совершается невидимое, и совершается самым непостижимым образом, так что осмысливать — не осмыслишь, и объяснить — не объяснишь, на то оно и тайна.

Вот так же трудно объяснить успех миссионерства Вениаминова. Вроде бы способы, которыми он побеждал язычество и невежество, были давно известны, ничего нового он на этом поприще не изобрёл, но как неодинаково применение этих средств: одни миссионеры едва успевали спастись от преследования язычников, после отъезда других новая вера забывалась и возвращались прежние шаманские камлания, а у Вениаминова — “и поле обильно, и жатва добра”.

С тех пор прошло полтора столетия. Алеутскими островами владеет другое государство, но до сих пор в далёкой, оторванной от России и будто приткнувшейся к краю света Уналашке потомки крещёных алеутов именуют себя православными и молятся перед теми же иконами, перед какими молился о. Иоанн в построенной им своими руками церкви Вознесения. Поистине — тайна.

За десять лет жизни на Алеутских островах Вениаминов создал крепкую православную общину, составившую один из приходов Русской Америки. Всего же их было четыре, по числу промысловых контор Компании: Уналашкинский, Аткинский, Нушегакский и Ситхинский. Среди прихожан Ситхинской церкви Архангела Михаила кого только не было — русские, креолы, алеуты, эскимосы, а вот крещёных тлинкитов, или, как называли их русские, колошей — единицы. “Народ убийственный и злой”, “кровожадные варвары” — так

называли тлинкитов, даже алеуты и эскимосы их сторонились и старались в конфликты с ними не вступать. Капитан В. М. Головнин, посетивший Америку в 1818 году, вспоминал, что индейцы не упускали случая напасть на русских, и приходилось выходить обрабатывать огороды из крепости не поодиночке, но целыми артелями, да ещё и выставя вооружённое охранение.

Когда в том же 1818 году индейцы убили двух вооружённых русских промысловиков, ушедших в лес срубить дерево, едва не вспыхнула война.

Оставался второй путь — переговоры, его и выбрал С. И. Яновский, зять покойного А. Баранова, ставший правителем Америки. Решив, что погибших не вернуть, а мщение — удел варваров, он заключил с колошами мир по индейским обычаям: обменялся заложниками. К колошам поехали мальчишки-креолы, индейцы прислали двух племянников вождя кагвантанов. По замыслу Яновского, так он сумел избежать войны, восстановил пусть хрупкий, но мир и приобрёл толмачей колошского языка, которых в Ситхе остро не хватало. “Мы имеем преобладающую нужду в колошенских толмачах, — докладывал Яновский правлению Компании, — должны все переговоры вести через колошенок, живущих у русских, которые преданы своим, переводят не то, что должно, а при этом колошам пересказывают всё, что у нас делается...”.

Мир с тлинкитами установился, мальчишки через год вернулись домой, но правление Компании осталось недовольно действиями Яновского, расценив их как уступку индейцам и проявление слабости. Хлебник был убеждён, что колоши лишь внешне воздерживаются от открытых действий, но сердца их “наполнены мщением”: “Злейшие из них ежегодно занимаются планами о нападении на крепость... Они твердят, что мы заняли места, где жили их предки, лишили их выгод от промысла зверей, пользуемся в лучших местах рыбной ловлей”. С правом индейцев иметь свою землю не поспоришь. Вот американцы и не спорили — после покупки Аляски и захвата Калифорнии они хладнокровно загнали индейцев в резервации, чем обрекли на вымирание, и без колебаний заняли принадлежавшие коренным народам земли.

А руководство Компании всё искало компромисс в конфликте. Наконец, в 1821 году тлинкитам разрешили вернуться на место их исконного поселения под Ново-Архангельском — к подножию Кекура, что позволяло наладить с индейцами контакт, оставаясь под защитой своих пушек. К тому же новые правила Компании запрещали требовать с туземцев ясак или какую-либо иную дань, это также должно было расположить колошей к русским. Так что к моменту приезда Вениаминова в Ситху, как сказал правитель Муравьёв, колоши “были уже не те”. Однако миссионеров, желающих проповедовать среди колошей, не находилось; “нога русского священника почти не касалась их порога, — написал Вениаминов, — не только с намерением благовествования мира, но даже из простого любопытства”.

Не раз и не два собирался Вениаминов начать проповедь у колошей, крещёный толмач по имени Гедеон уже приходил на занятия в школу, однако как будто всё что-то мешало, не пуская священника в лагерь индейцев, “... различные обстоятельства и случаи, впрочем, самые маловажные и даже иногда, скажу откровенно, какое-то нежелание и неохота удерживали меня и заставляли откладывать моё намерение день ото дня, так что мне стало уже стыдно самого себя”, — признавался о. Иоанн. Он дал себе твёрдое обещание идти к ним по окончании святок, как вдруг выяснилось: у колошей началась оспа, и заболели как раз в той юрте, которую священник наметил первой для посещения.

Если бы Вениаминов успел у них побывать, можно не сомневаться — причину болезни индейцы объяснили бы приходом “русского колдуна и шамана”. Описывая возможные последствия такого хода событий, о. Иоанн даже не гибели своей опасался, хотя она была вполне вероятна, и не вновь вспыхнувшей вражды — его посещение перед эпидемией “на полстолетия заградило бы дорогу благовестникам Слова, на которых колоши всегда смотрели бы как на злых вестников гибели и смерти. Но слава Богу, все устрояющему во благое!”

Эпидемия распространялась среди колошей стремительно. За два месяца скончалось около 300 человек только среди живших вокруг крепости. Шаманы без устали окуривали юрты и селения, но люди умирали ежедневно, в то время как живущие по соседству русские не болели вовсе. Когда колоши узнали причину, стали размышлять, обсуждать, наконец, самые смелые рискнули просить врача сделать им прививки. Увидев результат, начали приходить остальные — сначала молодые мужчины, за ними — кто постарше, затем —

женщины с детьми. Самыми несгибаемыми оказались старики, они от прививок отказались наотрез, упорно продолжали верить в заклинания и почти все умерли от оспы вместе с шаманами. Так эпидемия серьёзно поколебала доверие колошей к шаманам.

Если бы до эпидемии колошей попытались привить насильно (хотя никто и не пытался это делать), то, как заметил Вениаминов, привитый “вырвал бы у себя то место”, где сделали укол. Теперь ситуация изменилась. Получалось, как в поговорке: не было бы счастья — да несчастье помогло. Эпидемия и помощь “белых пришельцев”, их готовность прийти на выручку расположили колошей к русским более, нежели все меры, предпринимаемые в предыдущие годы; они проложили Вениаминову не дорогу — пока только узенькую тропочку — к сердцам индейцев. Теперь колоши воспринимали его уже не как пришедшего из стана врагов, но как человека, знающего более их и — главное — не желающего им зла. Индейцы со вниманием слушали его: “...Ежели они ещё не скоро будут христианами, — осторожно замечал Вениаминов, — то, по крайней мере, они стоят уже на той степени, что *слушают*, или, по крайней мере, *начали слушать* Слово спасения”.

Вениаминов не только проповедовал. Он расспрашивал колошей об их вере, обычаях и традициях, о том, какие обряды они совершают при создании семьи, рождении ребёнка, погребении умершего, как распределяют обязанности в семье, как воспитывают детей; он изучал язык и характер колошей. Это был труд, великий труд священника, без коего проповедь не могла быть успешной и не могло возникнуть доверие и уважение.

Вениаминов узнал, что сами колоши именовали себя тлинкитами, “с прибавлением *антукуан*, то есть *люди повсеместные, или люди всех селений*. Англичане их называют общим именем индейцы (Indians) или *strait natives* — “уроженцы проливов (Принца Валлийского и пр.)”. Откуда появилось слово колоши — неизвестно, может быть, предполагал Вениаминов, от колюжи или калужки — женского украшения в виде деревянной палочки, продеваемой ими в нижнюю губу.

“Колоши совсем другого происхождения, нежели алеуты и все прочие народы, населяющие тогда Российскую Америку, — записывал Вениаминов свои наблюдения. — Это показывает их наружный вид, который очень резко отличается от тех: большие, чёрные... глаза, лицо правильное, нескуловатое, рост вообще средний, важная осанка и поступь грудью вперёд...”

И характером они отличались от алеутов — энергичны, деятельны, сметливы, большие любители вести торговлю, прекрасные ремесленники. Их лодки (баты), одеяла из козьего пуха, плащи из оленьих шкур, вырезанные из дерева фигурки и шкатулки удивляли прочностью и красотой отделки, оригинальностью орнамента и цветовой палитрой, какая не встречалась у других народов Америки. “Правда, нужда и опыты суть великие учителя, могущие умудрить и самого несмысля”, — со знанием дела отмечал поднаторевший в ремёслах Вениаминов. И всё же — изготовление таких сложных вещей, как железные наконечники копий, кинжалы, фигурки из чёрного сланцевого камня — для этого одной необходимости мало, здесь требуются ум и сноровка.

Вениаминов не считал колошей “народом зверским и кровожадным”, он объяснял их мстительность соблюдением ими древнего, свойственного многим язычникам обычая требовать кровь за кровь. Что же касается столкновений с русскими, то причины конфликтов он находил “весьма естественными и уважительными”. Племя тлинкитов было не однородно, оно состояло из двух больших родов, как сказали бы сегодня этнологи — фратрий. Именовались они род Ворона (Эля) и род Волка (Канука). К первому относились индейцы-киксати (киксади), ко второму — циткуяти. Роды делились на шесть поколений: Волка — волчий, медвежий, орлиный, косаточный, шарки и старичка (так назывался небольшого размера морской петушок); Ворона — вороний, лягушки, гуся, сивуча, филина и кижуча. Каждое поколение имело свой тотем — знак, сделанный из дерева или шкуры соответствующего животного, территорию, границы которой строго соблюдались, зачастую роды и поколения враждовали не только с русскими, англичанами и американцами, но и между собой. Всё это необходимо было учитывать при выстраивании отношений с колошами, заключении договоров, как справедливо считал священник.

День ото дня он всё больше узнавал характер, способности и привычки индейцев. Сравнивая их с алеутами, отмечал, что таких “добрых и похвальных”

качеств, как терпение, прощение, бескорыстие, колоши не имели. Они умели без ропота сносить боль, голод и холод и даже любили демонстрировать своё равнодушие к этим испытаниям, но терпения в душевных страданиях, позволяющего перенести обиду, оскорбление, презрение, у них не было вовсе.

Вениаминов замечал, что домашними делами мужчины-колоши никогда не занимались, и вовсе не от лени: занятия эти, по их мнению, были приличны только женщинам и рабам. Особое положение мужчин отражали и особенности их языка. Желая назвать какую-либо часть тела человека, они добавляли “ка”, что означало – мужчина (человек). Так, живот или брюхо мужчины будет “каюгу”, говоря о женщине или животном, “ка” заменяли на “ту”, и беременная женщина в переводе на колошский – “тукатгата”, где “тукат” – в брюхе, “гат” – ребёнок, “а” – сидит или есть.

Присматриваясь к женщинам-колошенкам, он находил их удивительно деятельными, и не только в домашнем быту, но и в торговле; случалось, на заработанные ими средства они содержали и себя, и детей, и мужа. Колошенки в Ситхе “никогда не упустят случая вынести на рынок для продажи чего-нибудь из местных произведений”: плащи из выделанных шкур, сплетённые из трав подстилки, связанные из козьего пуха одеяла, если их нет – собранную малину или приготовленную юколу. Для того чтобы найти хоть какой-то заработок, они “не щадят ни трудов, ни силы, и ни ног своих. И также с охотой нанимаются работать в огородах”. В отличие от алеуток, женщины-колошенки были чистоплотны и аккуратны, своё жилище и себя содержали в опрятности, уделяли внимание воспитанию детей.

Он заметил, что колоши более алеутов способны к обучению и образованию, они быстро выучивали русский язык, особенно женщины, но “то, что собственно называется природным умом, у алеутов выше, нежели у колош”. Вениаминов обратил внимание на тщеславие колошей – отправляясь в гости к русским, они надевали свои лучшие, непременно европейские наряды, при встрече старались держать себя важно, с достоинством, независимо. “Но кто не тщеславен? – справедливо спросил о. Иоанн. – Кто из обыкновенных людей не хочет показать своё преимущество и то, что в нём есть хорошего?” Поведение колошей он находил вполне естественным, демонстрацию независимости и свободы объяснял просто и с пониманием – “это возвышает их в собственных глазах”. Читая эти строки, поневоле проникаешься уважением к самому Вениаминову как исследователю, его бережному и чуткому отношению к “диким”.

Колоши, без сомнения, чувствовали и ценили уважительное отношение священника к себе, испытывали ответное чувство и умели его выказать. Они приглашали его в гости и принимали с неизменным радушием, каждому хотелось, чтобы он посетил его юрту и побеседовал с его семьёй. Вениаминову запомнился такой эпизод. В один из вечеров он пришёл в юрту знакомого колоша. Огонь в очаге, устроенном в середине юрты, едва тлел, хозяину, молодому индейцу, всё никак не удавалось наладить достойного гостя свет – дрова были сырыми и не загорались. Тогда он вскочил со своего места, снял крышку с искусно выделанного деревянного ящика, которые очень ценились среди индейцев, и бросил её на растопку.

– Зачем же портить такую красивую вещь? – не удержавшись, воскликнул священник.

– Ничего, – невозмутимо ответил индеец. – Сделаю новую.

Вот как начиналось просвещение колошей. В 1837 году Вениаминов совершал литургию в Стахине, но не внутри крепости, а за её стенами, чтобы колоши посмотрели и послушали. Пришло около 1500 человек, “окружив место священнодействия, смотрели на служение наше во всё продолжение его с любопытством и большим вниманием и благопристойностью, достойною не дикаря. После того я отправлял ещё раз литургию на том же месте и обряд погребения на кладбище, и колоши смотрели с тем же вниманием и даже уважением...”

Во время каждой встречи с колошами Вениаминов не упускал случая объяснить им какую-нибудь Евангельскую истину и однажды услышал вопрос: “Что будет там, по смерти, тем людям, которые здесь делают добро?” Священника вопрос порадовал – это был хороший сигнал, значит, его беседы не прошли бесследно. Впоследствии Куатхе, задавший вопрос о посмертной жизни, совершил и вовсе неординарный поступок.

Когда он задумал перенести своё жилище на новое место, то по обычаю должен был убить нескольких рабов и уложить их останки в основание дома. Но Куатхе никого убивать не стал — одного, мальчика, он отдал на воспитание русским, чтобы “он был русский”, а другого раба — для прислуги больному и бедному старику из колошей, с тем, чтобы после смерти старика раб получил свободу. Конечно, замечает Вениаминов, “отпускать на волю колгов (рабов. — Н. П.) не есть необыкновенное дело между колошами, но отпускать их с таким намерением есть первый поступок между ними”. В качестве поощрения христианского поведения Куатхе от имени российского императора вручили подарок — очень ценившиеся среди тлинкитов кафтан и шляпу.

Распространение христианства среди колошей проходило небыстро, Вениаминов действовал осторожно, постепенно, события не подгонял и за числом крещёных не гнался. Он никому напрямую не предлагал креститься, “ожидал их собственного вызова, и тех, кои сами изъявляли желание креститься, принимал с полною охотою, но всегда испрашивал согласия на то тоэнов и особенно матерей желающих креститься (и всегда получал согласие), что им очень нравилось”. И вот результат: к 1840 году Ситхинская церковь “близка к тому, чтобы умножиться в числе членов своих вдвое, втрое и даже до пяти крат”. Если в 1804 году колоши, “как лютые звери, искали ловить русских и терзать их, ...а в 1837 году я один, ночью, ходил к ним в их жилища и не только был безопасен, но и принимаем с радушием. Ещё в 1819 году колоши смотрели на русских как на врагов своих и мстили за кровь своих предков (убитых при взятии их крепости), а в 1836 году они приходили к русским как к друзьям своим, просили о помощи и добросовестно давали знать о неприятных расположениях своих собратий”.

В одном о. Иоанн ошибся: он считал, что колоши, как наиболее развитые из всех североамериканцев, “наверное, со временем будут господствующим народом, ...начиная от Берингова пролива и до Калифорнийского залива, а может быть, и далее”. О. Иоанн не смог предвидеть их печальную участь, но после продажи селения Росс, Аляски и островов продолжал внимательно следить за событиями в Америке, наблюдая развернувшуюся на континенте экспансию США.

В Ново-Архангельске о. Иоанн, кроме исполнения своих прямых обязанностей, преподавал два раза в неделю Закон Божий в училище, продолжал вести по поручению Ф. П. Врангеля ежедневные метеорологические наблюдения, завершил “Записки об островах Уналашкинского отдела”, третий том которых посвящён колошам, составил алфавит их языка, написал “Замечания о колошском и кадьякском языках” со словарём в 1000 слов.

Слышанию слова Божия на родном языке он придавал огромное значение, оно есть для человека “пища, питающая его душу, ...вода, утоляющая его жаждущую душу, ...есть светильник, сияющий в тёмном месте, пока придёт день, взойдя в сердце... Без слова Божия человек гладен, жаждущ, слеп и мёртв духовно”, — писал он в предисловии к изданию Евангелия на алеутском языке. Перевод был тяжелейшим трудом, требующим времени и максимального напряжения усилий, и не всегда ему удавалось найти в местных языках соответствующие слова, которые вполне выражали бы суть текста. Потому он не считал свой перевод совершенным, окончательным и предостерегал читателей: не нужно делать из него догму, следует пытаться постигнуть не букву, но сам дух Слова.

Вот что он писал по этому поводу в своём сочинении “Указание пути в Царствие Небесное”, переведённом им на алеутский и колошский языки: “Изучать священные книги надо в простоте сердца, без предубеждения и излишней пытливости, не силясь проникнуть в то, что скрыто от нас премудростью Божией, но вникать в то, что относится к нашему исправлению. Всё, что нам необходимо знать для спасения, то в Писании изложено очень понятно и обстоятельно”.

Его простые и безыскусные объяснения сегодня по-прежнему понятны новоначальным христианам, как и в те далёкие времена, когда были написаны для “диких” народов Америки. Они ясны и точны, как были точны сделанные им собственноручно часы для колокольни церкви Михаила Архангела. Спустя столетие та колокольня уже изрядно покривилась от ветхости, а часы всё так же исправно показывали время.